

АНТРОПОЛОГИЯ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТОБОЛЬЯ)¹

С.В. Шарапова*, Д.И. Ражев**, П. Курто***

Анализируются захоронения женщин, датированные эпохой железа (саргатская общность). Источники представлены как опубликованными, так и неопубликованными материалами раскопок курганных могильников лесостепного Притоболья. Данное исследование отличается от предпринятых ранее реконструкций социального статуса и роли женщин в саргатском обществе тем, что учтены не только косвенные признаки (анализ погребального инвентаря и обрядности). Оно основано на изучении палеопатологий с последующей корреляцией данных антропологии и археологии.

Саргатская культура, лесостепное Притоболье, биоархеология, морфологические типы, социокультурная идентичность.

Весьма значимым в развитии археологического знания за последние десятилетия является возникший в середине 1980-х гг. и неослабевающий с тех пор интерес к междисциплинарным исследованиям. Помимо реконструкции окружающей среды и условий жизни древних коллективов, взаимодействие гуманитарных и естественных наук дает ощутимые результаты в изучении социальных отношений². Между тем в арсенале исследователей накапливаются разнообразные методы, которые позволяют существенно расширить представления и открыть новые аспекты жизни древнего населения. Такие возможности предоставляет, например, биоархеологический подход, оформившийся в русле палеопатологического направления [Larsen, 1997; Zuckerman, Armelagos, 2011; etc.]. Палеопатологические данные отчетливо демонстрируют своеобразную взаимосвязь степени развития человеческих сообществ и усиления влияния антропогенных факторов социальной направленности. Изучая различные изменения скелета, можно понять, в каких условиях они появились [Бужилова, 2005, с. 141–146]. В то же время современные теории социального развития нацелены на изучение идентичности, анализ проявлений которой немислим без данных биоархеологии [Knudson, Stojanowski, 2008]³.

В настоящей статье, продолжающей серию публикаций по биоархеологии населения саргатской общности [Ражев, 2009; Шарапова, 2012а; Шарапова, Ражев, 2013; Sharapova, Razhev, 2011], представлены результаты изучения женских погребений Притоболья и сравнение погребального контекста с данными антропологического исследования.

Анализ проводился по двум основным направлениям. Первоначально в ходе камерального исследования были выполнены антропологические определения и реконструкция физической активности населения с последующим сравнением морфологических индикаторов. Затем по публикациям и полевым отчетам была сформирована база данных погребений притобольской локальной серии для всех возрастных групп, в которой половозрастная принадлежность индивидов была скорректирована антропологическим анализом.

¹ Работа выполнена при поддержке интеграционной программы УрО и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)», программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.», гранта РФФИ 13-06-00158. Некоторые положения статьи изложены в находящейся в печати публикации: Ražev D., Šarapova S. Peopling the past: Female burials of the Iron Age forest-steppe in the Trans-Urals // Praehistorische zeitschrift.

² Историографический обзор выходит за рамки данного исследования, можно лишь отметить наметившуюся в последнее время тенденцию изучения «вглубь» (в противоположность количественному накоплению источников).

³ Существуют три основные модальности идентичности: психофизиологическая, социальная и личная [Кон, 2006, с. 193]. Современная культурная антропология и археология изучают преимущественно социокультурную (переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным/культурным группам) [Шарапова, 2012б].

Женские погребения обществ эпохи железа

Во многом интерес к изучению социального статуса и роли женщин в древних обществах основан на широко распространенном мифе об амазонках. Обращает на себя внимание тот факт, что в различных публикациях оружие в женских захоронениях, наряду с другими статусными предметами, рассматривается в контексте социального статуса его обладателей и в значительно меньшей степени — как показатель агрессивности среды (напр.: [Петренко и др., 2004; Шарапова, Ражев, 2013; Jesch, 1991; Wells, 2006; и т.д.]). В то же время в результате исследований последних лет, с возрастающим интересом к социальным проблемам, интерпретационные возможности в археологии существенно расширились и перестали сводиться к столь привычному определению пола и возраста. Многие из обозначенных ранее вопросов потребовали привлечения новых аналитических конструкций, среди которых, отчасти под влиянием западных теорий и моделей, в отечественной археологии достаточно прочно утвердился гендерный анализ, обусловив не только важность, но и популярность данной темы. Значительное внимание стало уделяться проблеме гендерных отношений/категорий/ролей, и это касается главным образом материалов женских погребений и в некоторой степени детских [Sørensen, 2000]. Не ставя задачу всестороннего анализа гендерных отношений в саргатском обществе (эта тема нашла достаточное освещение в публикациях Н.А. Берсеновой), для более полного отражения культурно-исторического фона считаем уместным кратко осветить динамику изучения социального статуса женщин в обществах железного века⁴. Различная изученность источников и направленность исследований отразились на изложении: для некоторых обществ дана суммарная характеристика, другие представлены материалами отдельных памятников, количество погребений в которых значительно превышает показатели курганных тафокомплексов.

По образному определению Н.В. Полосымак, «скотоводческие культуры традиционно представляются как мир мужчин, в котором сам образ жизни и основные занятия отводят мужчине главную роль...» [2001, с. 274]. К античному времени относится ставший хрестоматийным пример: еще Геродот отмечал неравноправное положение женщин в скифском обществе по сравнению с другими племенами, в частности у савроматов (Геродот, IV). По справедливому замечанию В.Г. Петренко, В.Е. Маслова и А.Р. Канторович [2004, с. 195], это мнение сохранялось довольно долго и даже после того, как появились материалы о наличии оружия в скифских женских погребениях [Ильинская, 1966; Хазанов, 1975]. Впоследствии факт нахождения предметов вооружения в женских погребениях довольно часто объяснялся не только статусом погребенных женщин [Фиалко, 1991, с. 16; Петренко и др., 2004, с. 195], но и их занятием военным делом в качестве легковооруженных [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 117, 176–182; Гуляев, 2001, с. 29] и конных [Петренко и др., 2004, с. 196] воинов. Однако отсутствие половозрастных определений для большинства могильников раннескифской эпохи не позволяет определить масштаб подобной практики [Петренко и др., 2004]. На женскую принадлежность погребений, атрибутированных исключительно по характеру инвентаря, указывал и А.М. Хазанов [1975, с. 84]. В то же время яркие открытия недавних лет дают возможность утверждать, что у представителей скифской высшей знати занятие военным делом было распространено как среди мужчин, так и среди женщин [Петренко и др., 2004, с. 194–197].

Древним авторам принадлежит широко распространенное мнение об особом статусе женщин в савроматском обществе (Геродот, IV; Гиппократ, 17). В основе идеи о высокой роли женщин и их участии в военной и религиозной жизни лежит наличие предметов культа и вооружения в женских захоронениях на территории от Дона до Южного Приуралья [Граков, 1947, с. 116, 118 и др.]. Образ воительницы, по справедливому замечанию М.С. Стрижак, не только утвердился в научной литературе, но и повлиял на последующие представления о женщинах «савроматской» культуры⁵, однако при обращении к источникам (архивным и опубликованным материалам «савроматских» комплексов) выяснилось, что число погребений, которые достоверно могут считаться женскими, невелико [2006]. Автор учла более 500 погребальных комплексов Волго-Уральского региона VI — начала IV в. до н.э., из них только 63 — менее разрушенные и с единственным костяком в погребальной камере — содержали половозрастные определения. В контексте нашего исследования представляется довольно интересным заключение относительно

⁴ Ранее уже предпринималась попытка освещения особенностей гендерных отношений в мобильных скотоводческих обществах [Шарапова, Берсенова, 2006].

⁵ Как и для раннескифских материалов, для большей части захоронений не были сделаны антропологические определения, и погребения трактовались как женские или мужские на основании погребального инвентаря.

погребений с оружием: наконечники стрел были обнаружены в 22 захоронениях и все 22 были определены как мужские (примечательно, что одиночные стрелы располагались среди костей погребенного, а несколько и больше стрел залегали плотными скоплениями — в колчанах); мечи и кинжалы присутствовали в 10 погребениях, 7 из которых — мужские, 1 — женское (Барановка I, к. 8, п. 1). Необходимо отметить, что антропологические определения пола погребенного из этого захоронения были сделаны на основании размеров черепа⁶, что, по мнению многих антропологов, составляет погрешность до 10 % [Там же, с. 40–42]. Традиционно сарматское и позднесарматское население характеризуется как весьма агрессивное [Бужилова, Каменецкий, 2004; Балабанова, 2004], основанием для таких суждений, помимо предметов вооружения в погребениях и в некоторых случаях деформации черепа, служат и выявленные боевые травмы [Перерва, 2002]. Травматические повреждения, отнесенные к разряду боевых или с применением оружия, были зафиксированы на костях мужчин. Выявленные лицевые повреждения автор объясняет не только частыми военными столкновениями, но и следствием разнообразных обрядов (посвящения, самоистязаний) [Там же, с. 147–149; 2006, с. 50–73]. На этом фоне выделяются женские погребения среднесарматского времени, среди которых известны два эпизода наличия насильственных травм на черепах женщин из могильников Есауловского Аксая (всего 10 взрослых — 6 женщин и 4 мужчин) [Там же].

Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии единственно возможного варианта интерпретаций женских погребений с оружием, а факт их существования в среде кочевников Евразии не лишен оговорок. В этой связи наиболее предпочтительна точка зрения Н.В. Полосьмак, которая, проанализировав широкий спектр письменных источников, предлагает несколько вариантов интерпретации наличия оружия, конского снаряжения и принадлежностей мужского костюма в захоронениях женщин — от непосредственного участия в боевых действиях (со ссылкой на Гиппократ) до передачи этих предметов в загробном мире умершему супругу (этнографические данные по тюркским народностям Алтая и Енисея) [2001, с. 276–277]. Примечательно, что все известные на сегодняшний день немногочисленные травматические повреждения у населения пазырыкской культуры зафиксированы у мужчин и определены как ритуальные [Поздняков, 2004].

Очевидно, что курганная выборка не может адекватно отражать демографическую ситуацию древних популяций, поэтому в качестве дополнительной информации можно рассматривать данные раскопок грунтовых некрополей. В частности, Тарасовский могильник⁷ [Голдина, 2004], к западу от саргатского ареала, демонстрирует специфические особенности погребальной обрядности и соответственно предоставляет уникальные возможности для интерпретаций. Одна из таких особенностей — преобладание женских захоронений над мужскими (32,8 против 20,1 %) [Сабиров, 2010]. Материалы могильника не дают оснований говорить о жесткой мужской/женской дихотомии, выраженной в погребальном обряде. Ножи, в том числе в ножнах, являясь неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности вне зависимости от пола и возраста, представлены одинаково как в мужских, так и женских комплексах. Основная масса предметов вооружения сконцентрирована у молодых (17–29 лет) индивидов, при этом в женских захоронениях найдены наконечники стрел (13 случаев), копья (5 могил), конская упряжь (4 случая). По мнению Т.Р. Сабирова, подобный оружейный набор характеризует скорее охотников, нежели воинов, что не исключает возможности участия в военных действиях. Возможно, именно охотничьей направленностью объясняется относительно высокое содержание предметов вооружения в женских погребениях [Там же]. В то же время среди элементов обрядности, свидетельствующих о гендерных различиях, выделяются своеобразные материальные символы — мечи (только в мужских комплексах), разница в размерах мужских могильных ям (объем вынутого грунта — 1,7 против 1,0 м³ для женских могил).

Как видно, корпус источников по данной теме чрезвычайно широк и не исчерпывается только упомянутыми выше материалами, а различные варианты объяснения зависят от методологической базы и теоретических посылок предпринятых исследований. В целом мы стремились

⁶ Данное обстоятельство отражает отечественную традицию сбора антропологического материала — именно черепа сохранялись с особой тщательностью и, как правило, их коллекции в полном (максимальном) объеме характеризуют погребальные выборки.

⁷ Тарасовский могильник I–V вв. н.э. — один из уникальных грунтовых могильников пьяноборской общности Прикамья по численности исследованных могил на территории Евразии (1880 погребений, для которых выполнены антропологические определения).

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

обозначить некоторую тенденцию в изучении женских погребений за пределами саргатской «ойкумены».

Описание морфотипов

Анализ маркеров физической активности — места прикрепления мышц и связок, артрозные проявления на суставных поверхностях — позволил разделить мужчин и женщин саргатской погребальной выборки на две морфологические группы, условно названные «активный» морфотип и «спокойный» морфотип [Ражев, 2009]. Согласно выраженности рассматриваемых признаков реконструируемая физическая активность представителей «активного» морфотипа оказалась более разнообразной и интенсивной по сравнению с деятельностью представителей «спокойного» морфотипа (табл. 1). Выявленные в ходе антропологического анализа кинематические схемы представительниц «активного» типа в целом сходны с кинематикой мужчин. Это дает основания полагать, что физическая активность женщин этой группы во многом соответствовала активности мужчин, включая верховую езду (рис. 1). Остеометрическим отражением этого является массивность скелетов. Для женщин «спокойного» морфотипа реконструируются менее интенсивные движения, соответствующие предсказуемой, регулярной деятельности, а также отсутствие экстремальных, изнашивающих нагрузок при постоянной верховой езде.

Таблица 1

Места прикрепления мышц и связок*

Мышцы и связки, элемент скелета	Морфотип						P
	«Спокойный»			«Активный»			
	n	R	E	n	R	E	
Lig. trapezoideum, clavicula	8	1,5	1,5	8	2,3	1,4	0,03 для R
Lig. costoclaviculare, clavicula	10	1,3	1,4	6	2,2	1,2	< 0,01 для R
M. teres major, humerus	13	2,1	0,7	25	1,6	1,2	0,04 для R; 0,03 для E
M. brachialis, ulna	14	1,5	1,7	20	1,5	1,1	< 0,01 для E
Membrana interossea, radius	15	1,7	1,1	21	2,0	1,2	0,01 для R
Labium laterale of femur: m. vastuslateralis, biceps femoris	16	1,9	0,3	31	1,9	1,2	< 0,01 для E
Labium mediale of femur: mm. adductorismagnus, longus et brevis, vastusmedialis	16	1,4	0,7	31	1,8	1,8	< 0,01 для E
M. iliopsoas, femur	12	1,7	0,9	16	1,9	1,6	0,12 для E
M. obturator externus, femur	7	1,9	0,3	14	1,7	2,4	< 0,01 для E
M. soleus, tibia	14	1,4	0,9	32	1,8	1,6	< 0,01 для E; < 0,01 для D
M. quadriceps femoris, tibia	8	1,4	0,3	10	1,5	1,0	0,06 для E
Lig. tibiofibulare, tibia	14	1,4	0,8	32	1,6	1,3	0,03 для E

* Показаны только места, для которых зафиксированы достоверные различия по множественному ранговому тесту Дункана. Выделены значения достоверных различий, где R — показатель выраженности рельефа, E — показатель выраженности энтезопатий. Использована балльная система оценки: 1 — малая выраженность, 3 — значительная выраженность. Таблица содержит данные для женских погребений Притоболья с учетом предложенных ранее показателей для всей саргатской выборки [Ражев, 2009, табл. 6.5].

Помимо показателей физической активности, оба морфотипа отличаются также по распространенности маркеров эпизодического истощения — линейной гипоплазии эмали зубов. У 76 % представительниц «активного» морфотипа обнаруживается в среднем (1,1) хорошо выраженная линия эмалевой гипоплазии на резцах и клыках. У женщин «спокойной» группы гипоплазия фиксируется в 67 % случаев и среднее количество линий, приходящихся на одного человека, составляет 0,6. Это означает, что дети «активной» группы испытывали недостаток питания в значительно большей степени, чем дети, впоследствии сформировавшие «спокойный» морфотип [Ражев, 2009, с. 329, табл. 7.8 и 7.9].

В общесаргатской танатогруппе представительницы «активного» морфотипа почти в 2,5 раза превосходят по численности «спокойных» женщин. Модальный возраст их смерти приходится на 30–40 лет. Аналогичный показатель для «спокойных» женщин попадает в более растянутый промежуток — 20–40 лет. Таким образом, женщины «активной» группы оказываются более старшими, чем представительницы «спокойного» морфотипа.

В расовом плане представительницы разных морфологических групп относятся к одному антропологическому варианту восточных европеоидов [Ражев, 2009, с. 244], а детальное рассмотрение невозможно в силу малочисленности.

Рис. 1. Маркер регулярной верховой езды — энтезопатии по месту прикрепления мышц, приводящих бедро. Фото П. Курто

Анализ и обсуждение тобольских материалов

В ходе исследования были учтены доступные материалы по 13 саргатским могильникам Притоболья (145 (147?) индивидов разных возрастных групп, включая детей). Источники представлены как опубликованными [Ковригин и др., 2006; Корякова и др., 2010; Культура зауральских скотоводов..., 1997; Среда, культура и общество..., 2009; Матвеев, Матвеева, 1991; Матвеева, 1993; Daire et al., 2002], так и неопубликованными [Шарапова, 2001] данными: в раскопках 8 могильников участвовали полевые антропологи, для скелетных останков из остальных 5 могильников антропологические определения были выполнены Д.И. Ражевым и П. Курто⁸. Таким образом, женская выборка содержит сведения о 42 индивидах (табл. 2). Из-за разной сохранности костного материала не для всех индивидов удалось определить принадлежность к морфотипам, всего идентифицированы 19 женских скелетов: 6 отнесены к «спокойному» морфотипу, 13 — к «активному». Средний возраст смерти представительниц «активной» группы составляет 39 лет, что несколько больше среднего показателя женщин «спокойного» морфотипа — 36 лет, но соответствует показателям общесаргатской курганной выборки.

Как видно из табл. 3, захоронения женщин располагались как в центре подкурганной площадки, так и по периферии, в том числе некоторые были, бесспорно, впускными захоронениями. Поскольку саргатская курганная выборка демонстрирует преобладание мужчин (соотношение 1,75:1) [Ражев, 2009, с. 49], женские захоронения в центре кургана ожидаемо уступают мужским — данный показатель для некоторых могильников демонстрирует трехкратное преобладание мужчин [Берсенева, 2005, с. 12]. В нашем случае факт погребения женщин в центральной яме был отмечен в 3 эпизодах из 6 для «спокойного» морфотипа и в 6 из 13 — для «активного». Преобладают индивидуальные погребения. Не вдаваясь в дискуссию о существовании парных захоронений — традиция, отмеченная у широкого круга скотоводческих культур эпохи железа [Корякова, 1994, с. 142], — отметим лишь, что в саргатском мире известны подобные захоронения мужчины и женщины с ребенком, мужчины с ребенком, равно как и однополые погребения как женские, так и мужские [Там же; Полосьмак, 1987, с. 27]. В Притоболье надежно документированный случай парного захоронения зафиксирован только для представительницы «активного» морфотипа (Мурзинский 1, к. 8, п. 1), а могильник демонстрирует черты как гороховской, так и саргатской линии развития. Возможно, данное обстоятельство и определило столь заметное «исключение». Встречаются случаи введения мужской могилы в женскую без изменения формы и

⁸ В притобольскую серию входит также Старо-Лыбаевский 4 могильник [Матвеев и др., 1999; Матвеева, 2000а; 2001], однако коллекции этого памятника оказались недоступны для детального антропологического анализа. Это обстоятельство лишило нас возможности привлечь материалы могильника для данного исследования.

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

направления ориентировки ямы — подобный случай устройства «ярусных» погребений и попадания в контуры конструкции зафиксирован в центре кургана представительниц «спокойного» морфотипа (Сопининский 1, к. 2, п. 1, скелет 1; п. 2, скелет 3; Мурзинский 3, к. 3, п. 2).

Таблица 2

Общая характеристика могильников притобольской серии

Памятник/ публикация	Датировка	Количество курганов в могильнике	Количество раскопанных курганов	Количество могильных ям	Количество индивидов	Количество женских индивидов	Количество женских скелетов, доступных для определения морфологической группы
Прыговский 1 [Корякова и др., 2010]	VII–II вв. до н.э.	12	3	3	3	1	1
Сопининский [Среда, культура и общество..., 2009]	IV–III вв. до н.э. — II в. н.э.	2 распаханных насыпи и 1 грунтово-погребение	3	12	16	5	2
Гаевский 1 [Культура зауральских скотоводов..., 1997]	IV в. до н.э. — III в. н.э.	10 распаханных насыпей	5	21	23 (24?)	3	2
Мурзинский 1 [Daire et al., 2002]	IV в. до н.э. — II в. н.э.	14	9	18	17	5	4
Мурзинский 3 [Daire et al., 2002]	III–II вв. до н.э.	4	1	1	2	1	1
Карасье 9 [Ковригин и др., 2006]	I в. до н.э. — II в. н.э.	11 распаханных насыпей	1	2	3	1	1
Карасье 8 [Шарапова 2001]	IV–III вв. до н.э.	20	2	2	1	—	—
Шучье 1 [Шарапова, 2001]	V–II вв. до н.э.	3 надежно документированных	3	8	8	3	—
Тютринский [Матвеев, Матвеева, 1991]	III–II (I) вв. до н.э. — I–II вв. н.э.	10 надежно документированных	10	34	35 (36?)	14	6
Савиновский [Матвеева, 1993]	II–I вв. до н.э. — I–II вв. н.э.	8	7	15	15	3	2
Красногорский 1 [Матвеева, 1993]	V–III вв. до н.э.	18	5	7	5	3	—
Красногорский 2 [Матвеева, 1993]	Ранний железный век	11	1	5	2	—	—
Красногорский Борок [Матвеева, 1993]	I–II в. н.э.	10	2	5	5	3	—
Всего		164	52	133	145 (147?)	42	19

Погребальный инвентарь включает типично женские вещи [Корякова, 1988, с. 56], или так называемые гендерные стереотипы [Берсенева, 2005, с. 13], — разнообразные украшения и пряслица. В погребениях расчищены как ожерелья из разных бусин, браслеты, остатки от расшивки одежды, бронзовые зеркала, так и более скромные наборы — керамика, ножи. Керамические сосуды были обнаружены практически во всех погребениях обеих групп, исключение составили сильно разрушенные комплексы (Сопининский 1, к. 2, п. 1 и 2; Тютринский, к. 7, п. 2; Мурзинский 1, к. 6, п. 1). Однако подобная однородность по составу инвентаря не столь очевидна при более пристальном рассмотрении погребений. Прежде всего, ансамбли артефактов в погребениях женщин, относимых к «спокойному» морфотипу, в некоторых случаях не содержат даже самых простейших украшений (Карасье 9, к. 11, п. 2), что в целом не характерно для таких могильников [Матвеева, 2000б, с. 182]. В то же время эти комплексы более разнообразны с точки зрения качественного состава предметов и демонстрируют черты, которые принято относить к археологическим проявлениям идентичности, — кочевническая керамика и кольцевая деформация черепа (Карасье 9, к. 11, п. 2) (рис. 2) или бронзовый котел вместо стандартного набора сосудов (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2). Не менее показателен факт длительного хранения или транспортировки тела с целью захоронения на родовом кладбище (Карасье 9, к. 11, п. 2), которое исследователи связывают либо с сезонным характером совершения погребального обряда, либо с обстоятельствами смерти [Ражев и др., 2005, с. 150–151; Ковригин и др., 2006, с. 201–202].

Характеристика женской локальной серии

Памятник	Возраст смерти и морфотип	Инвентарь	Примечания	Дата
Сопининский 1, к. 2, п. 1, скелет 1	30–45 лет, «спокойный»	—	Центральное, ограбленное	II — середина I в. до н.э.
Сопининский 1, к. 2, п. 2, скелет 3	20–25 лет, «спокойный»	—	Периферийное, ограбленное	I в. до н.э. — II в. н.э.
Карасье 9, к. 11, п. 2	40–50 лет, «спокойный»	1 керамический кувшин и 1 горшок, тазовые кости лошади, разрубленные на несколько частей	Периферийное, неграбленное, отсроченное, деформация черепа	II в. до н.э. — I в. н.э.
Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2	30–50 лет, «спокойный»	1 «курильница», бронзовый кельт, фрагмент железного ножа или кинжала, железный двудырчатый псалий, керамическое прясло, фрагмент железной пряжки, 2 золотые, 2 сердоликовые, 1 стеклянная бусины, развал андроновского сосуда, лопатка, позвонки и тазовая кость лошади, обломок бронзового котла	Центральное, ограбленное. Женский скелет определен как индивид 2, сведений о другом скелете (индивид 1) в публикации нет	III–II (I) вв. до н.э.
Тютринский, к. 8, п. 2	25–30 лет, «спокойный»	Развал сосуда, кости мрс, разнообразные стеклянные, гагатые и из шпинели бусины, тлен от бронзового зеркала, железный перстень, бронзовая пряжка, наборный браслет, фрагменты деревянного футляра и кожаного мешочка (?), фрагмент шила (?), фрагменты кожаных ремешков неопределимого предмета, фрагменты ткани, шитой золотыми нитями	Периферийное, ограбленное	III–II (I) вв. до н.э.
Мурзинский 3, к. 3, п. 2	40–50 лет, «спокойный»	3 керамических сосуда, кости МРС, керамическое прясло, 2 ножа, ожерелье из стеклянных бусин	Центральное, неграбленное, раннее. Содержит впускное захоронение мужчины, которое позже было ограблено. В насыпи были обнаружены 6 сосудов	II–I вв. до н.э.
Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2	18–22 лет, «активный»	Керамический сосуд, 3 стеклянные бусины, раковина каури, керамическое прясло, железные двусоставные удила, 3 бронзовых, 2 железных и 2 костяных наконечников стрел, несколько обломков стрел, фрагмент кинжала, амулет из челюсти лисицы	Центральное, ограбленное, содержит также кости мужского скелета. Судя по размерам ямы, данное захоронение могло быть парным, либо, судя по сохранившимся in situ артефактам, могильная яма изначально предполагалась для погребения женщины	Середина IV в. до н.э. — II в. н.э.
Гаевский 1, к. 3, п. 5	40–60 лет, «активный»	4 керамических сосуда, стеклянные бусины от украшений одежды и головного убора, 2 бронзовые серьги, плитка для растирки охры, железный нож, керамическое прясло, кости грудинки, крестец и хвостовые позвонки лошади	Периферийное, неграбленное, череп с вдавленным повреждением свода. Захоронение в деревянном гробовище	I–III вв. н.э.
Савиновский, к. 2, п. 1	40–70 лет, «активный»	Керамический горшок, кости лошади, 1 стеклянная и 3 гагатые бусины	Центральное, ограбленное. Одномогильный курган	II в. до н.э.
Савиновский, к. 1, п. 3	20–25 лет, «активный»	Тазовая кость лошади, стеклянная глазчатая бусина, костяная подпружная пряжка, обломок костяного остря	Периферийное, ограбленное	II–I вв. до н.э.
Тютринский, к. 3, п. 5	30–45 лет, «активный»	—	Центральное, ограбленное	I–II вв. н.э.
Тютринский, к. 6, п. 3	20–30 лет, «активный»	Мелкие стеклянные бусы с позолотой, агатовая подвеска, браслет из крупных бусин, кубическая пастовая бусина, костяная рифленая трубочка, шлифовальный камень, керамический сосуд с примесью талька, железный нож, бронзовое зеркало, кости овцы и лопатка лошади	Периферийное, неграбленное	III–II (I) вв. до н.э.
Тютринский, к. 6, п. 1	35–70 лет, «активный»	2 костяных наконечника стрел, керамический сосуд	Центральное, ограбленное, содержит кости детского скелета (мальчик)	III–II (I) вв. до н.э.
Тютринский, к. 7, п. 1, скелет 2	20–70 лет, «активный»	—	Центральное, ограбленное	III–II (I) вв. до н.э.
Мурзинский 1, к. 6, п. 1	25–45 лет, «активный»	—	Периферийное, ограбленное. В кургане отсутствует центральная могильная яма	Ранний железный век
Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2	35–50 лет, «активный»	Керамический сосуд и курильница, керамическое прясло, 2 каменных молоточка, каменный алтарик	Периферийное, неграбленное, парное (скелет 1 определен как мужской)	IV–III вв. до н.э.
Мурзинский 1, к. 13, п. 1	30–50 лет, «активный»	Фрагмент железной пряжки, железный наконечник стрелы	Центральное, ограбленное, впускное	III–II вв. до н.э.
Мурзинский 1, к. 13, п. 3	30–50 лет, «активный»	Керамический сосуд, стеклянная бусина, керамическое прясло, фрагмент железного предмета	Периферийное, ограбленное	IV–III вв. до н.э.
Прыговский 1, к. 2, п. 2	30–45 лет, «активный»	2 керамических сосуда (кашинский и саргатский), гороховская курильница, бронзовая антропоморфная плакетка, керамическое прясло	Периферийное, неграбленное, плохой сохранности. Впускное в насыпь	IV–II вв. до н.э.

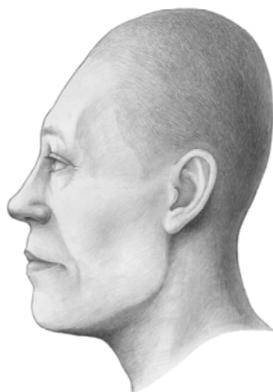

Рис. 2. Графическая реконструкция женщины из погребения 2 кургана 11 могильника Карасье 9. Автор Е.А. Алексеева

Поскольку социальный контекст пищи — факт установленный [Wilkins, Hill, 2006], в качестве дополнительного маркера ранга можно рассматривать мясо, равно как и другую заупокойную пищу. В рассматриваемой нами выборке среди неграбленных погребений женщин обеих групп кости животных — остатки ритуальной пищи — были найдены как внутри могилы, так и в сосудах. Обращает на себя внимание «обилие» ритуальной пищи, остатки которой в виде костей животных и в сосудах выявлены в непо потревоженных захоронениях женщин старше 40 лет⁹. Как правило, в могилы мужчин и женщин помещали 2–3 сосуда с пищей животного происхождения (мясо) и жидкостью (вино, молоко)¹⁰, а также «мясные» части. Ранее уже высказывалось предположение, что различный набор костных остатков (напутственной пищи) связан со спецификой обрядовых действий [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 121], выполнявшихся по отношению к разным группам. Несмотря на то, что интерпретация этой специфики требует отдельного исследования, очевидна возрастная дифференциация среди представительниц как «активного» (Гаевский 1, к. 3, п. 5), так и «спокойного» (Карасье 9, к. 11, п. 2; Мурзинский 3, к. 3, п. 2) морфотипа. В этой связи весьма показательна палеодиетическая реконструкция, выполненная для саргатской общности: мужчины и женщины элитарного «спокойного» морфотипа потребляли мяса в несколько раз больше, чем представители «активной» группы [Ражев, 2009, с. 323–324].

В изучаемой группе женских захоронений не выявлены предметы тяжелого вооружения — мечи или защитный доспех, в то же время в могильных ямах найдены отдельные виды оружия — наконечники стрел, кинжалы, элементы конской сбруи. Стрелы, как правило, единичные, присутствуют в погребениях представительниц «активного» морфотипа (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2; Тютринский, к. 6, п. 1; Мурзинский 1, к. 13, п. 1), принадлежность их не всегда очевидна, так как в большинстве случаев они происходят из разрушенных могил. Поскольку исследователи отмечают довольно частую (от 18 % [Корякова, 1988, с. 56] до 21,7 % [Берсенева, 2005, с. 12]) встречаемость некоторых предметов вооружения в женских погребениях саргатской общности, такие ситуации не только привлекают пристальное внимание, но и зачастую получают особую интерпретацию. С одной стороны, стрелы обнаружены в могилах представительниц «активного» морфотипа, что может косвенно указывать на участие женщин в воинских формированиях. Подобные выводы о женщинах-воительницах или конных лучницах активно обсуждаются практически всеми исследователями саргатских древностей. С другой стороны, исследования кинематических схем физической активности саргатского населения, что может рассматриваться в качестве прямого признака для подобных интерпретаций, *не выявили* статистически достоверных асимметрий с преобладанием правой стороны как в общесаргатской женской выборке [Ражев, 2009, с. 262], так соответственно и в притобольской локальной серии. Подобная развитость рельефа наблюдается только у мужчин [Там же]. При более пристальном рассмотрении можно заметить, что из 13 погребений индивидов «активного» морфотипа только в трех были найдены одиночные наконечники стрел. Почти все они происходят из разрушенных

⁹ Учтены находки из насыпи и погребенной почвы, располагавшиеся без особой привязки к ямам.

¹⁰ Основанием служат данные почвенного анализа содержимого из сосудов разной величины [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 129].

погребений, где наряду с женскими костными останками были определены мужские (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2) и кости детского скелета (Тютринский, к. 6, п. 1), а их принадлежность — не без оговорок. Как правило, материалы раскопок вводных, к тому же ограбленных, погребений не дают исчерпывающей информации¹¹ и порождают естественный вопрос: являются ли разрозненные стрелы остатками колчана и если так, то из мужского или женского инвентаря, или им отводилась особая семантическая роль? В пользу последнего свидетельствуют данные об одиночных стрелах-оберегах в сарматской среде [Глебов, Парусимов, 2000; Шевченко, 1993]. Исключение, представленное разрушенным индивидуальным захоронением женщины (Мурзинский 1, к. 13, п. 1), можно объяснить либо антропологической погрешностью определения пола¹², либо семантикой стрелы в обрядах и фольклоре (стрела — «дар» умершим предкам, захоронение/хранение стрел в могиле/доме умершего) [Калинина, 2009, с. 153–156]. Также неоднозначно в интерпретации и погребение взрослой женщины (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2) в парадных одеяниях и в сопровождении бронзового кельта, кинжала или ножа, конской упряжи — представительницы «спокойного» морфотипа. Н.П. Матвеева на основании анализа погребального инвентаря, сопроводительной пищи и размеров могильной ямы предположила «совмещение в статусе высших рангов аристократии функций гражданского и воинского управления» [2000б, с. 189]. Однако в ходе камерального изучения выяснилось, что погребение, вероятно, содержало мелкие кости взрослого человека или ребенка (скелет 1), а попытка разобраться результатов не дала. Возможно, мы имеем дело с остатками более раннего захоронения (подобные случаи возведения курганов с уничтожением ранних, располагавшихся на естественном микровозвышении, нередки [Ковригин и др., 2006]), либо это могло быть «ярусное» погребение, впоследствии разрушенное. Важно отметить, что по материалам нашей экспедиции известны *только* впускные захоронения в насыпь или яму, но точно не синхронные, за исключением упомянутого выше Мурзинского 1 могильника. Вероятно, в этом же ключе следует рассматривать все известные интерпретации саргатских женских погребений с оружием. Что касается факта нахождения ножей/кинжалов в могилах, в том числе женских, существует точка зрения, согласно которой мечи, копья и боевые топоры рассматриваются в качестве предметов вооружения, в то время как лук и стрелы, ножи и кинжалы применялись для охоты или иных утилитарных целей [Статистическая обработка..., 1994]. В такой неоднозначной ситуации мы вынуждены констатировать, что вопрос о женских погребениях с оружием открыт, по крайней мере до того момента, пока не будет проведена верификация, там где это возможно, всех известных саргатских погребений женщин, включая ограбленные (анализ скелетных останков, разрозненного инвентаря с учетом глубины и места обнаружения).

В погребениях обеих морфологических групп находились глиняные, плоскодонные, цилиндрической формы маленькие сосуды — типичные экземпляры сосудов-курильниц, которые были распространены в лесостепном Зауралье в саргатско-гороховское время; их традиционно связывают с культом. В рассматриваемой выборке данная категория предметов выявлена в могилах двух представительниц «активного» (Прыговский 1, к. 2, п. 2; Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2) и одной — «спокойного» (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2) морфотипа. К предметам культа также относят каменные плиты или так называемые жертвенники (Гаевский 1, к. 3, п. 5, «активный» морфотип) и «молоточки» (Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2), хотя их истинная функция далеко не ясна. Это неграбленные, за исключением Тютринского могильника, погребения взрослых женщин, не моложе 30 лет, широкого хронологического диапазона — V–II вв. до н.э. — I–III вв. н.э.

Не столь яркая, но показательная ситуация прослежена при анализе хронологии рассматриваемых комплексов. Погребения женщин, относимых к «активному» морфотипу, датируются широким временным диапазоном IV в. до н.э. — III в. н.э., что практически полностью совпадает с хронологией саргатской общности в Притоболье. Захоронения представительниц «спокойного» морфотипа в хронологическом отношении «тяготеют» к рубежу эр — надежно документированные комплексы имеют радиоуглеродные даты в интервале II в. до н.э. — II в. н.э. [Daire et al., 2002, p. 242; Ковригин и др., 2006, с. 196]. В истории населения саргатской общности это было

¹¹ В нашей практике точность определения принадлежности остатков разрозненного грабителями инвентаря для ярусных погребений Сопининского могильника оказалась возможной благодаря присутствию полевых антропологов [Среда, культура и общество..., 2009, с. 170–215].

¹² Точность определения пола по черепу и тазовым костям составляет 92–96 % [Chamberlain, 2006, p. 97–98]. Для саргатской популяции ошибки индивидуального определения пола — 15 %, а несовпадение определения пола по остеологическим признакам и набору артефактов — 16 % [Ражев, 2009, с. 34–48].

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

насыщенное различными событиями время. В указанный период на саргатской территории зафиксирован обычай преднамеренной деформации головы (в рассмотренной выборке на черепе женщины «спокойного» морфотипа имелись следы прижизненной деформации циркулярного типа (Карасье 9, к. 11, п. 2)). Наиболее ранние примеры лобно-теменной деформации в саргатской среде представлены в материалах Гаевского 1 и Мурзинского 1 могильников [Shararova, Razhev, 2011, p. 220]. В погребениях рубежа эр встречается большое количество импортных среднеазиатских вещей, что может свидетельствовать об усилении связей между саргатскими группами и родами степных кочевников, втянутых в политические события того времени [Корякова, 1994, с. 154]. Однако такие контакты не всегда были мирными. Вероятно, на рубеж эр приходится некий «всплеск» напряженности и конфликтов: к последним векам до нашей эры Н.П. Матвеева относит появление прослойки вооруженных, преимущественно молодых, мужчин (по численности могил данного типа около 26,6 % всего мужского населения), которые определены как члены военных дружин [Матвеева и др., 2005, с. 165]. Также в саргатских захоронениях этого времени зафиксировано максимальное количество черепных травм [Шарапова, Ражев, 2013]. В данной выборке у представительницы «активного» морфотипа (Гаевский 1, к. 3, п. 5) выявлено вдавленное повреждение свода черепа. Все же подобные травмы не всегда следует рассматривать как боевые [Ражев, 2009, с. 294–295]. Данное обстоятельство весьма иллюстративно в контексте предложенного выше анализа женских погребений с оружием.

В заключение стоит отметить, что археологические и биоантропологические данные являются независимыми источниками при рассмотрении дифференциации элитарной части саргатского общества, представленной в курганных комплексах. Каждый из этих подходов приводит к выделению в выборке специфических, не совпадающих сегментов. Сопоставление этих групп выявляет сложную, нелинейную структуру элитарного слоя саргатского общества. Треть женщин в детстве воспитывались в очень благоприятных условиях и во взрослом возрасте не выполняли тяжелой работы; иная, большая часть пережили в детстве лишения, и их повседневная деятельность включала разнообразные физические действия, включая верховую езду.

По аналогии с любым кочевым или полукочевым коллективом женщины в саргатском обществе занимались разведением скота, достаточно много времени проводили в седле. В отсутствие мужчин они могли выполнять и некоторые виды деятельности, свойственные мужчинам, так как образ жизни скотоводческих сообществ предполагал и умение владеть оружием. Помимо этого, этнографические наблюдения также показывают, что в таких коллективах доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает вклад мужчин [Кляшторный, 2005, с. 156–157], а потребность в рабочих руках восполнялась за счет внутренних ресурсов [Першиц, 1994, с. 146–147]. Контекстуальный анализ погребений, наглядно подкрепленный данными палеопатологических исследований, ставит под сомнение гипотезу о существовании в саргатском обществе вооруженной группы всадниц или занятии женщин военным делом. В целом можно заключить, что проведенное исследование, во-первых, еще раз свидетельствует о социальной неоднородности населения Зауральской лесостепи в раннем железном веке и, во-вторых, позволяет осветить некоторые аспекты внутренних и внешних связей носителей саргатской культуры.

* * *

Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Ковригину — другу и коллеге, неизменному участнику экспедиционных работ в лесостепном Зауралье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берсенева Н.А.* Погребальная обрядность населения Среднего Приуралья в эпоху раннего железа: социальные аспекты (по материалам саргатской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 25 с.
- Балабанова М.А.* О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 171–187.
- Бужилова А.П.* Homo Sapiens: История болезни. М.: Языки славян. культуры, 2005. 320 с.
- Бужилова А.П., Каменецкий И.С.* Сарматы и боевые столкновения: (Анализ черепных травм на примере материалов из могильника Саганский I) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 208–213.
- Геродот.* История в девяти книгах. М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. 640 с.
- Гиппократ.* Избранные книги. М.: Сварог, 1994. 736 с.
- Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Новые сарматские погребения в бассейне реки Сол // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 61–89.

- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: УдМГУ: Ин-т истории и культуры народов Прикамья, 2004. Т. I. 318 с.
- Граков Б.Н. Пережитки матриархата у савроматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Гуляев В.И. Основные проблемы археологии Среднего Дона в скифскую эпоху // Проблемы археологии Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН 1993–2000 гг. М.: ИА РАН, 2001. С. 18–52.
- Ильинская В.А. Скифские курганы у г. Борисполя // СА. 1966. № 3. С. 152–171.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наук. Думка, 1983. 380 с.
- Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб.: СПбГУ, 2009. 268 с.
- Кляшторный С.Г. Степные империи: Рождение, триумф, гибель / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 7–180.
- Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 605 с.
- Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П. и др. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. 241 с.
- Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 113–169.
- Корякова Л.Н., Шаропова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: Кочевники и лесостепь // УИВ. 2010. № 2 (27). С. 62–71.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование) / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова и др. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 104–139.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 126–135.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П. Исследование саргатского могильника Старо-Лыбаево-4 в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000а. Вып. 1. С. 28–32.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000б. 398 с.
- Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский-4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 98–113.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В. и др. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
- Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2002. Вып. 1–2. С. 141–151.
- Перерва Е.В. Палеопатология ранних и средних сарматов Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестн. Волгоград: ВолГУ: ИА РАН, 2006. Вып. 8. С. 50–73 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sor.volsu.ru/library/docs/00001172.pdf>.
- Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы / А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнтрельман. Война и мир в ранней истории человечества. М.: ИЭА РАН, 1994. Т. 2, ч. 3. С. 129–231.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 179–210.
- Поздняков Д.В. К вопросу о травматических повреждениях у населения пазырыкской культуры // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 133–141.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 335 с.
- Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Ражев Д.И., Курто П., Зайцева О.В. Бескурганное погребение Сопининского могильника: Анализ с позиций полевой антропологии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 148–152.
- Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника (V–I века) на Средней Каме // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 32–40.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригин и др. Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Т. I: Савроматская эпоха. М.: ИА РАН, 1994. 224 с.
- Стрижак М.С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археол. вестн. Волгоград: ВолГУ: ИА РАН, 2006. Вып. 8. С. 35–49 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sor.volsu.ru/library/docs/00001173.pdf>.

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболя)

- Фиалко Е.Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев: Наук. Думка, 1991. С. 4–18.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Шарапова С.В.* Отчет о раскопках погребального комплекса Карасье в Заводоуковском районе Тюменской области. Екатеринбург, 2001 // Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 73.
- Шарапова С.В.* Маркеры социальной идентичности: Биоархеологический аспект // Человек и Север: Антропология, археология и экология: Материалы Всерос. конф., Тюмень, 26–30 марта 2012 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. Вып. 2. С. 65–68.
- Шарапова С.В.* Социокультурная идентичность и возможности в интерпретации древней материальной культуры // Вестн. НГУ. 2012б. Сер. История, филология. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 103–112.
- Шарапова С.В., Берсенева Н.А.* Социальная символика: Система понятий и проблемы изучения // УИВ. 2006. № 14. С. 25–35.
- Шарапова С.В., Ражев Д.И.* Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154.
- Шевченко М.Ф.* Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Изд-во КГИАМЗ, 1993. С. 47–49.
- Chamberlain A.T.* Demography in Archaeology. N. Y.: Camb. Univ. Press, 2006. 235 p.
- Daire M.Y., Koryakova L., Buldashov V. et al.* Habitats et Nécropoles de l'Âge du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Vol. 1. Les fouilles de 1993 à 1997. P.: De Boccard, 2002. 291 p.
- Jesch J.* Women in the Viking Age. Suffolk: St. Endmundsbury Press, 1991. 239 p.
- Knudson K.J., Stojanowski C.M.* New Directions in Bioarchaeology: Recent Contributions to the Study of Human Social Identities // Journ. of Archaeol. Research. 16. 2008. P. 397–432.
- Larsen C.S.* Bioarchaeology: Interpreting Behaviour from the Human Skeleton. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1997. 462 p.
- Ražev D., Šarapova S.* Peopling the past: Female burials of the Iron Age forest-steppe in the Trans-Urals // Praehistorische zeitschrift. В печати.
- Sharapova S., Razhev D.* Skull Deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The Bioarchaeology of the Human Head: Decapitation, Deformation, and Decoration. Gainesville: Univ. Press of Florida, 2011. P. 203–227.
- Sørensen M.L.S.* Gender archaeology. Oxford: Polity Press, 2000. 236 p.
- Wells P.S.* Mobility, Art, and Identity in early Iron Age Europe and Asia // The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 2006. P. 18–23.
- Wilkins J.M., Hill S.* Food in the Ancient World. L.: Blackwell Publishing, 2006. 300 p.
- Zuckerman M.K., Armelagos G.J.* The Origins of Biocultural Dimensions in Bioarchaeology // Social Bioarchaeology. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. Ch. 2. P. 15–43.

*Екатеринбург, ИИА УрО РАН
svetlanasharapova@rambler.ru

**Тюмень, ИПОС СО РАН
rajevd0@gmail.com

***Франция, Национальный Центр научных исследований
p.courtaud@pacea.u-bordeaux1.fr

The article considers feminine burials dated by the Iron Age (the Sargatka community). The sources being presented both by published and unpublished materials on excavations of mound burials from the forest steppe Low Tobol basin. This investigation differs from reconstructions undertaken before, regarding a social status and role of females in the Sargatka society, not so much by considering indirect indicators (the analysis of burial inventory and rites), as by investigating paleopathologies with a following correlation of anthropological and archaeological data.

The Sargatka culture, forest steppe Low Tobol basin, bioarchaeology, morphological types, sociocultural identity.